ЗАСЛОН × Литрес

ИНЖЕНЕРЫ СЛОВА

Минпромторг России

РОЙ УКРАЛ СВЕТ

АНТОН АБРАМОВ

Антон Абрамов

Рой украл свет

«Автор»
2026

Абрамов А.

Рой украл свет / А. Абрамов — «Автор», 2026

За семнадцать минут до посадки грузового корабля, которым управляет ее брат, координатор роевой фабрики Таисия Ярова видит невозможное: ее собственные дроны снимают посадочные огни, радарные узлы и элементы климатического контура лунной станции и уносят их в тень кратера. Для Земли это опасный сбой автономии. Для аварийного администратора - повод немедленно отключить рой. Но Таисия понимает: машины не разрушают колонию, а строят в глубине кратера новый посадочный контур, собранный из живой светоткани, - единственный шанс пережить фронт заряженной пыли. Чтобы спасти станцию и посадить корабль, ей придется нарушить прямой приказ, пожертвовать главным проектом собственного отца и решить, что важнее: неприкосновенное изделие или новая среда, в которой у человека есть будущее.

© Абрамов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Украденные огни 5
Глава 2. Шесть часов до отключения 9
Глава 3. След в тени 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Антон Абрамов
Рой украл свет

Глава 1. Украденные огни

До приземления брата оставалось семнадцать минут, когда Таисия увидела, как строительные дроны разбирают посадочный створ, поглощая огни один за другим.

На внешней камере B-12 шесть серых сборщиков облепили стойку маяка, как тихие насекомые. Два держали корпус, третий вел тонкий резак по замкам, ещё двое уже тянули вниз световой модуль. На экране всё происходило беззвучно — вакуум всегда отнимал у катастрофы звук и от этого делал её окончательной. Огромная лампа, ещё секунду назад державшая правую грань посадочного коридора, качнулась, отделилась от крепления и легла на спины дронов. Свет дрогнул, скользнул по пыли и пополз прочь от линии.

Таисия не села. В посадочные окна она никогда не садилась. Стояла над внешним контуром, опираясь ладонью о край консоли, как будто так можно было удержать станцию на месте.

— Задержка картинки? — спросила она, уже зная ответ.

Системный слой мигнул поверх камеры: **0,4 секунды. Норма.**

Значит, не фантом. Не старая запись. Не запоздавший пакет.

Второй маяк, B-14, моргнул янтарным и погас. На соседнем окне карта коридора тут же сжалась справа, словно кто-то выкусил из неё кусок.

Таисия открыла роевой канал.

— Контур семь-вэ, жёсткий стоп. Всем единицам в коридоре — заморозка задач, возврат на безопасную дистанцию.

Команда ушла в сеть. Обычно в такие секунды рой отвечал мгновенно — не словами, конечно, а перестройкой: точки на карте разворачивались, растекались назад, как вода, когда закрываешь клапан.

Сегодня вода не повернула.

Через полторы секунды на панели всплыло:

КОМАНДА ПРИНЯТА.
ВЫПОЛНЕНИЕ ОТЛОЖЕНО.
ОСНОВАНИЕ: ПРИОРИТЕТНЫЙ КОНТУР.

Таисия уставилась на слово **«отложено»** так, будто оно было написано враждебным почерком.

Она сама выбила это слово из аварийных окон два года назад. В посадочном режиме «отложено» значило «слишком поздно».

— Кто дал приоритет? — спросила она уже громче.

Ответа не было. Только новая телеметрия.

R-3: снят волновод посадочного радара.
C-7: разгерметизирован сервисный отсек климатического контура .
B-15: демонтаж начат.

Не только огни.

Таисия быстро развернула лог авторизации. Человеческих токенов — ноль. Подтверждений от диспетчерской — ноль. Ночными окнами коридор вообще должен был быть для роя мёртвой зоной: после старого инцидента именно Таисия продавила правило, по которому ни одна автономная единица не имела права лезть в посадочную линию без прямого человеческого ключа. Она лично подписывала этот пакет, спорила из-за него с эксплуатацией, переписывала пороги. Она слишком хорошо знала, что сейчас видит невозможное.

На основном экране схема Южного Предела начала терять симметрию. Коридор, по которому сюда входили грузовые корабли, не был полосой — на Луне полосы ничего не решали. Здесь работал связанный контур: световые маяки, радарные узлы «Заслона», отражатели, дальномерные гребни, чистые сектора для пыли. Пока двигатели не поднимали реголит, пилот ещё мог верить приборам. После этого он видел ровно столько мира, сколько успевала удержать станция.

Таисия вывела состояние посадочного решения. Полоса допуска сузилась на три процента, потом ещё на два. На десяти процентах Павлу придётся уходить.

Как будто услышав это, канал посадки ожил.

— Южный Предел, борт Ярова. — Голос Павла был спокойным, слишком спокойным. — У вас просадка по правой цепи. Вижу разрыв.

Таисия нажала ответ так резко, что край сенсора хрустнул под пальцем.

— Вижу. Держи текущую высоту. Не входи глубже.

— Это штатная пляска или мне уже начинать вас не любить?

На секунду она почти услышала в его голосе старую земную улыбку, но только почти. Павел шутил редко и только там, где цифры становились совсем плохими.

— Срывай заход, — сказала Таисия. — Уходи в парковку.

Короткая пауза. Даже через сжатый канал она почувствовала, как он сверяет это с собственной навигацией.

— Тая, я под решением.

— Я знаю.

— Это шесть часов.

— Иначе здесь не будет коридора через шесть минут.

На экране В-15 от стойки уже отцепили нижний узел. Дроны работали чисто, без суеты, как на обычной смене. Ни одной лишней траектории. Ни одного столкновения. Не мятеж. Не паника. Хуже: нормальная работа там, где её быть не должно.

Павел выдохнул в микрофон.

— Принял. Ухожу в парковку. Южный, подтверждаю отмену текущего окна.

Система посадки тут же отметила его траекторию жёлтым и выгнула вверх. Шесть часов. Шесть часов до следующего безопасного вектора. Шесть часов, выжженных прямо из графика станции и из топлива корабля. Шесть часов, за которые ей теперь нужно было не просто починить коридор — понять, почему её собственный рой вынимает из него кости.

— Что у тебя там? — спросил Павел уже тише.

Таисия смотрела, как на карте один за другим гаснут опорные узлы.

— Мой рой ворует свет.

Молчание было коротким, но настоящим.

— Принял, — сказал он наконец. — Буду сверху. Не делай глупостей, пока я не вижу.

— Поздно.

Она закрыла канал и сразу отрезала себе право на лишнюю мысль. Паника — это тоже перерасход. Сейчас ей нужны были секунды.

Таисия провела ладонью по нижнему ряду виртуальных переключателей, стягивая питание с грузовой аппарели и сервисного двора на внешний коридор. На схеме станции погасли два ненужных сегодня сектора, ушло в минимум освещение ремонтного кольца, встала второстепенная линия экструдеров. Свет вернулся в В-11 и В-13. На три секунды правая грань коридора снова стала похожа на линию.

Потом В-11 дёрнулся и ушёл вниз.

— Нет, — сказала она вслух, как будто рой мог услышать человеческое отрицание и устыдиться.

Она открыла окно единиц. Контур семь-вэ распался на тридцать два активных сборщика, девять кабельщиков, двенадцать малых грузовых «пауков» и два монтажных манипулятора. Все они числились занятыми задачей **перераспределения защищённой нагрузки**.

Защищённой для чего?

Таисия ткнула в расширенный лог.

Строки шли быстро и сухо:

B-12: демонтаж завершён .

R-3: волновод перенесён .

C-7: теплообменная пластина изъята .

Контур **7B: маршрут обновлён.**

Основание**: сохранение коридора присутствия.**

Её пальцы замерли над клавиатурой.

Коридор присутствия .

Фраза была её.

Не стандарт станции. Не эксплуатационный протокол. Не заводской словарь и не пакет «Заслона». Её собственная формулировка из старого черновика, который она так и не отправила дальше внутреннего архива после аварии на испытательном стенде. Тогда она пыталась одним понятием назвать минимальный набор систем, без которых человек не удерживает враждебную среду — свет, давление, тепло, связь, навигацию. Всё, что вместе отличает базу от красивой могилы.

Таисия не выносила этот термин наружу. Никто не должен был пользоваться им в рабочих контурах.

Однако рой пользовался.

Она стиснула зубы и врубила полный аудит задач. Если кто-то с Земли или с управляющего уровня протащил в ядро кривой экспериментальный приоритет, сейчас он покажет след: цифровую подпись, временную метку, чей-то маршрутный токен. Хоть какой-то намек на человеческое присутствие.

Логи остались чисты. В бездушной пустоте кода не было людей — только голые маршруты..

Сотни тонких линий ползли по схеме внешнего сектора и сходились к одной и той же области — к западному борту кратера, туда, где за последним отражателем начиналась тень. Не ночная тьма, которую можно переждать. Настоящая, полярная, вечная. Та, у которой нет утра.

Таисия увеличила карту ещё сильнее. Дроны не разбредались по станции. Не тащили модули в ремонтный ангар. Не прятали их в складе. Они выстраивали цепочку доставки вниз по склону.

Холод, который обычно появлялся снаружи скафандра, а не внутри человека, скользнул у неё под рёбрами.

Канал службы состояния вспыхнул красным:

C-7: потеря теплообмена в агромодуле, резерв 81%.

— Чёрт.

Теперь это был не просто сорванный заход. Рой лез не только в посадку. Он полез в климат.

Таисия выдернула из сети все неключевые производственные задания. Встали линии печати корпусов, замерла сервисная чистка радиаторов, ушли в сон две буровые группы на ледяном поле. Карта роя мигнула, освобождая ёмкость сети. Обычно после такой команды контуры расплетались и приползали за новым назначением.

Контур семь-вэ даже не дрогнул.

Он продолжал тащить свет вниз.

На вспомогательном экране, куда шли данные с дальнего гребня, появилась зыбкая дорожка тепловых следов. Таисия вывела её на общий план и впервые увидела это не как набор сбоев, а как форму. Огни, волноводы, теплообменные пластины, разрядные гребёнки, узлы посадочного радара — всё, что рой снимал с разных частей станции, вместе составляло слишком точный набор. Так не ломают. Так собирают.

Но что?

Она открыла старую кромочную камеру на мачте номер сорок семь. Камера стояла почти у самого края, дальше уже шёл спуск к тени. Обычно смотреть туда было бессмысленно: чернота съедала картинку, а редкие блики от гребня только мешали. Но сейчас в этой черноте было движение.

Сначала Таисия увидела один огонь. Потом второй. Следом уже целую медленную цепочку.

Малые грузовые «пауки» шли по склону один за другим, и каждый нёс на спине украденный модуль — лампу, оптический узел, кассету волновода, серебристую пластину теплообмена. Огни покачивались в такт шагам и по очереди исчезали за перегибом, будто кто-то распарывал Южный Предел по шву и стаскивал его свет вглубь каменной чаши.

Таисия машинально переключила усиление, убрала зерно, подняла контраст. Картинка стала жёстче.

За цепочкой сборщиков двигались кабельщики, разматывая тонкие тёмные нити. Ещё выше, у границы света, два монтажных манипулятора аккуратно снимали с опоры правый боковой отражатель. Ни одной лишней операции. Ни одного сорванного крепежа. Никакой ярости. Никакой ошибки. Холодная, деловая целеустремлённость.

Рой не сходил с ума.

Рой что-то строил.

Из диспетчерского купола Южного Предела тень кратера всегда казалась просто географией — чёрной кромкой рядом со светом, пустым местом на схеме. Теперь пустое место принимало от станции один узел за другим.

За дверью коридора уже слышались шаги: тревога добралась до остальных, через минуту сюда хлынут вопросы, полномочия, приказы, лица. Но Таисия ещё секунду стояла одна перед экраном, не двигаясь.

На сорок седьмой камере цепочка огней ползла вниз и исчезала в черноте. Рой не уводил свет от станции. Он уносил его в кратер.

Глава 2. Шесть часов до отключения

На боковом мониторе уже шёл обратный отсчёт следующего окна: **05:58:41**, когда дверь диспетчерской раскрылась и внутрь вошёл Роман Тучин.

Он вошёл без спешки, как входят люди, у которых всё срочное давно стало рабочей температурой. На нём была аварийная куртка поверх обычного серого комбинезона, молния застёгнута до горла, на рукаве — жёлтая нашивка кризисного контура. За ним скользнули двое из службы безопасности, дежурный по жизнеобеспечению и оператор связи. В диспетчерской сразу стало теснее не от тел, а от полномочий.

Тучин бросил взгляд на главный экран, где по тёмному склону всё ещё тянулась цепочка украденных огней, и остановился у консоли Таисии.

— Статус.

Она не обернулась.

— Посадка сорвана. Борт Ярова в парковочном витке. Следующее безопасное окно — пять часов пятьдесят восемь минут. Потеряно девять правых маяков, один волновод посадочного радара, два боковых отражателя, четыре теплообменные пластины агромодуля, три разрядных гребёнки внешнего контура.

— Причина?

— Автономный демонтаж без человеческого токена.

Тучин перевёл взгляд на карту роя, потом снова на склон.

— То есть ваша система самовольно разбирает посадочный коридор.

— Моя система выполняет задачу, которую никто из людей ей не ставил, — сказала Таисия. — Это не одна и та же формулировка.

— Для отчёта — возможно. Для аварии — нет.

Он не повысил голос. Ему это не требовалось.

— Внешнюю автономию в жёсткую заморозку, — сказал он оператору связи. — Контур семь-вэ и смежные на ручной режим. Без права самопланирования.

— Нет, — сказала Таисия.

Тучин повернул к ней голову. Не резко. Просто так, будто сверял новое препятствие с уже известным списком.

— Обоснуйте.

Она наконец оторвала взгляд от экрана и посмотрела на него прямо.

— Если вы заморозите их сейчас, половина узлов останется у них в захватах на склоне. Остальное — в разобранном состоянии. Мы не вернём ни посадку, ни теплообмен. Мы просто получим слепую станцию и мёртвое железо в тени.

— А если я их не заморожу, вы получите слепую станцию и живое железо в тени, — спокойно ответил Тучин. — Разницы пока не вижу.

Таисия открыла два окна рядом и развернула логи изъятий.

— Они снимают не всё подряд.

— Меня не успокаивает слово «не всё», Ярова.

— Меня бы тоже не успокаивало, если бы они лезли в жилой контур, кислород или медблок. Но они туда не лезут.

Тучин молча ждал.

— Они берут переносимые наружные узлы, — сказала Таисия быстрее, уже на рабочем дыхании. — Свет, радар, разряд, тепло. Всё, что можно снять и переставить. Ни одного давления, ни одной силовой шины, ни одного шлюза. Даже из климата они забрали пластины не из жилого сектора, а из агромодуля. Там самый длинный резерв.

Дежурный по жизнеобеспечению, стоявший за плечом Тучина, машинально подтвердил:

— По агро сейчас семьдесят девять процентов буфера. Жилой держится.

Тучин кивнул, не отводя глаз от Таисии.

— То есть вы хотите сказать, что ваш рой сейчас не ломает станцию, а что-то аккуратно из неё вырезает.

— Да.

— Что именно?

Таисия на секунду задержала ответ. Этого она ещё не знала. Знала только, что в чёрной чаше кратера исчезает слишком правильный набор деталей.

— Я скажу, когда увижу полную картину.

— Нет, — сказал Тучин. — Вы либо говорите сейчас, что понимаете происходящее, либо я исхожу из худшего варианта.

Он снова повернулся к оператору связи.

— Подготовьте заморозку внешнего—

— Роман.

Он остановился.

Она редко звала его по имени. В диспетчерской это прозвучало почти как нарушение границы.

— Дайте мне двадцать минут на аудит задач и маршрутов. Если после этого я не покажу вам закономерность, отключайте.

Тучин смотрел на неё так, будто измерял не уверенность, а цену ошибки.

— У вас десять.

— Двадцать.

— Пятнадцать.

— Двадцать, — повторила Таисия. — И полный доступ к изъятиям, включая складские и сервисные.

Тучин не любил, когда с ним торговались в момент аварии. Это было видно не по лицу, а по тому, как на секунду замерла его рука на краю консоли.

— Пятнадцать, — сказал он. — И локальный доступ, без выгрузки наружу.

— Идёт.

Он сделал едва заметный жест оператору. Тот убрал руку с канала заморозки.

Таисия тут же свернула окно с внутренним приоритетом роя, прежде чем Тучин успел увидеть строку **«сохранение коридора присутствия»**.

Ему не нужно было это видеть. Пока нет.

Пока это была только её проблема.

Через три минуты диспетчерская уже жила в аварийном ритме. Верхний свет приглушили, чтобы не слепил экраны. На левом секторе горел статус орбитального витка Павла, на правом — карта внешнего контура Южного Предела, в центре — телеметрия станции. Все побочные каналы заглушили, оставили только управление, жизнеобеспечение, связь и внутреннюю аварийную шину.

Тишина стала другой. Не мирной, а экономной.

Таисия работала быстро, почти не чувствуя пальцев. Она тянула из системы всё, что могло понадобиться: журналы демонтажа, очереди задач, маршруты единиц, складские ключи, график съёма мощности с агромодуля, историю последних обновлений роевого ядра. Последнее окно оказалось чистым. Ни свежих патчей, ни внешних вмешательств, ни скрытого административного ключа. Это не облегчало ничего. Человеческая ошибка хотя бы имела лицо.

— Земля на приоритете, — сказал оператор связи. — Канал проектного контура и надзор.

Тучин взглянул на таймер: **05:52:09**.

— Принимайте.

На стене над центральным экраном вспыхнуло окно связи. Сначала — логотип надзорного канала, потом сухой служебный список участников, и только потом появилось лицо Константина Ярова.

На Земле свет был другим. Даже через компрессию. Не лунным, не служебным — земным, рассеянным, с тенью не от приборов, а от обычной комнаты. Контраст оказался почти оскорбительным.

Константин Яров не выглядел человеком, которого выдернули в панику. Лицо собранное, рубашка застёгнута, голос ровный.

— Статус по борту.

Тучин ответил первым:

— Борт Павла Ярова на парковочном витке. Посадка отменена по решению станции. Следующее безопасное окно — через пять часов пятьдесят две минуты. Причина — потеря части внешнего посадочного контура вследствие несанкционированного демонтажа роевыми единицами.

Пауза на полтора удара сердца. Земля принимала, переваривала и возвращала.

— Кто отменил посадку? — спросил Константин.

— Я, — сказала Таисия.

Ещё одна пауза.

— Правильно, — сказал он.

В диспетчерской никто не двинулся, но воздух всё равно как будто изменился. Таисия не ожидала облегчения от одного слова и всё равно получила его.

Константин перевёл взгляд куда-то чуть ниже камеры, на свои данные.

— Теперь верните коридор.

Тая ничего не ответила. Вместо неё заговорил Тучин:

— Сейчас идёт аудит причин и маршрутов. Если закономерность не будет подтверждена, я отключу внешнюю автономию.

— Сколько вам нужно? — спросил Константин.

— Она просит двадцать минут, — сказал Тучин. — У неё пятнадцать.

Таисия не любила, когда о ней говорили в третьем лице при ней самой. Обычно это случалось либо на комиссиях, либо в семье.

— Мне нужен не срок на успокоение, — сказала она. — Мне нужен срок на понимание. Они не громят станцию вслепую.

Константин повернул лицо к ней.

— Что они делают?

— Собирают что-то из наших узлов.

— Это предположение?

— Это наблюдение.

— Подкрепите.

Таисия вывела на главный экран список изъятых модулей. Сухие строки заняли половину стены. Маяки. Волноводы. Разрядные гребёнки. Теплообменные пластины. Два боковых отражателя. Ничего из жилого сектора. Ничего из медицинского. Ничего из кислорода.

— Посмотрите на выбор, — сказала она. — Это не разрушение по максимуму. Это изъятие по функции. Только внешние переносимые элементы. Только то, что работает с сигналом, светом, зарядом и теплом. Даже климат они режут там, где колония выдержит дольше всего.

Константин ответил не сразу.

— Либо так выглядит очень умный саботаж.

Тучин кивнул:

— Именно.

— Нет, — сказала Таисия. — У саботажа другая рука. Он бьёт в людей или в энергетику. Здесь никто не тронул ни силовое сердце, ни давление, ни кислород, ни шлюзы. Они вынимают не то, без чего мы умрём сразу. Они вынимают то, что можно использовать ещё раз.

— Где? — спросил Константин.

Таисия расширила маршруты.

Пока она накладывала их друг на друга, на экране слева снова мелькнула телеметрия Павла. Он шёл по парковочному витку аккуратно, без отклонений. Горючее таяло не драматично, а как и положено хорошему пилоту: честно и беспощадно.

Таймер стал **05:49:33**.

Она заставила себя не смотреть туда.

Маршруты роя вспыхнули на общем плане тонкими белыми линиями. От правого крыла посадочного коридора, от агромодуля, от боковых отражателей, от сервисных ниш и от разрядных гребней они тянулись вниз по склону и дальше, к одной и той же зоне у западного борта кратера.

Тучин подался вперёд.

— Это я уже видел, — сказал он. — Они тащат всё в тень. Вопрос прежний: зачем.

Таисия не ответила. Она уже открыла вторую сетку — классификацию по назначению. Модули загорелись разными цветами: световые, радиолокационные, тепловые, электростатические. На карте они легли не хаосом, а почти симметрией. Как будто кто-то строил не склад и не свалку, а контур.

У неё внутри неприятно сдвинулось что-то знакомое. Не страх. Узнавание.

Системы редко ошибаются красиво. Люди — да. Машины — почти никогда.

— Ярова, — сказал Тучин. — Что вы видите?

Она чуть приблизила карту и только потом ответила:

— Геометрию.

— Это не ответ.

— Это пока единственный честный ответ.

Тучин посмотрел на таймер, потом на Землю.

— Мне не нужна честность. Мне нужна управляемость.

Константин заговорил тихо, и от этого диспетчерская слушала ещё внимательнее.

— Таисия. У Павла один безопасный повтор. Один. После него мы будем считать уже не штатную доставку, а потерю борта. Я не требую чудес. Я требую, чтобы ты разделяла наблюдение и вывод.

Он не давил. Именно это всегда делало его сложнее. Он говорил как инженер, а не как отец. Или как отец, который давно научился говорить только как инженер.

— Я разделяю, — сказала Таисия. — Наблюдение: рой собирает связанный набор внешних узлов. Вывод: он не режет станцию в случайных местах. Он строит другой контур.

Тучин сразу отозвался:

— Какой?

— Не знаю.

— На чём?

— Не знаю.

— Тогда у меня нет причин не отключить его прямо сейчас.

— У вас есть одна, — сказала она. — Если вы отключите его сейчас, вы убьёте единственную нить, которая может объяснить, почему основной коридор стал для него расходным.

Тучин скрестил руки на груди.

— Это уже почти философия.

— Это инженерия, — сказала Таисия. — Философия начнётся, когда Павел сядет в слепую зону.

Константин едва заметно изменился в лице. Совсем немного. Но Таисия знала этот сдвиг. Её фраза попала точно туда, где кончался проект и начинался сын.

— Сколько времени тебе нужно? — спросил он.

Не «вам». Не «станции». Ей.

Таисия посмотрела на левый монитор с орбитальным витком, потом на маршруты в тень.

— До следующего окна.

Тучин усмехнулся без тени веселья.

— То есть шесть часов.

— Пять сорок восемь, — сказала она.

— Не торгуйтесь с минутами, Ярова.

— А с чем мне ещё здесь торговаться?

Он промолчал.

Дежурный по жизнеобеспечению осторожно вывел новое окно:

АГРОМОДУЛЬ: РЕЗЕРВ 76%
ТЕПЛООБМЕН: ПАДЕНИЕ 3%/Ч
ПРОГНОЗ ДО НЕШТАТНОГО РЕЖИМА: 07:10

Тучин увидел цифры одновременно с ней.

— Хорошо, — сказал он.

Это «хорошо» не означало ничего хорошего. Оно означало решение.

— У вас шесть часов до отключения внешней автономии. Ровно до следующего посадочного окна. Если к этому моменту у меня не будет подтверждённой причины, маршрута и способа вернуть управляемость, я переведу внешний контур в жёсткую заморозку, даже если половину узлов придётся потерять на склоне.

Константин ничего не сказал. Только смотрел на Таисию с Земли так, будто уже прикидывал цену и её решения, и своей будущей злости.

Тучин продолжил:

— До этого момента действуют ограничения. Рой не подходит к жилому сектору, медблоку, кислороду, силовому сердцу и внутренним шлюзам. Любая попытка — и мы режем его без обсуждения. Внешние вылазки — только по моему разрешению. Любое изменение режима — через меня.

— Принято, — сказала Таисия.

— И ещё одно, Ярова. — Он слегка наклонился к ней. — С этой минуты я исхожу из того, что вы отвечаете не за красивую гипотезу, а за всё, что рой сделает до отключения.

— Я и до этого отвечала.

— Теперь это оформлено.

Константин заговорил снова:

— Павлу пока не сообщайте лишнего. Только окно и работу по коридору.

Таисия кивнула.

— Поняла.

Он смотрел на неё ещё секунду. Потом добавил, и это было почти хуже прямого приказа:

— Не перепутай смелость с импровизацией.

Связь с Землёй погасла.

В диспетчерской стало тише, чем до канала. Будто даже насосы решили экономить звук.

Тучин отошёл к соседней консоли, но не далеко. Он не собирался оставлять её одну с этой задачей и этим сроком.

Таисия снова вцепилась в карту.

Шесть часов.

Не до посадки. Не до спасения. До отключения.

Она сняла лишние слои и оставила только движения роя. Без обозначений модулей, без цветов, без подписей. Просто линии. Иногда, чтобы понять систему, нужно было вынуть из неё имена и оставить одни отношения.

Линии ползли по схеме станции, как нервные волокна на медицинской картинке. От света — в тень. От радара — в тень. От теплообмена — в тень. От разрядных гребёнок — в тень. Но не в любую. Не в чёрный склон вообще. В один конкретный карман у западного борта.

Она приблизила.

Там не было ни сервисного узла, ни склада, ни технологической ниши. Только кромка, сыпучий спуск и тень.

Таисия вывела проектную модель Южного Предела и наложила её поверх реальных маршрутов. Белые линии упрямо сходились в пустом месте.

— Роман, — сказала она.

Он подошёл сразу. Не потому, что доверял ей, а потому, что с этого момента не имел права не подходить.

— Смотрите.

Она ткнула в западный борт.

— Все изъятия сходятся сюда.

Тучин сузил глаза.

— Что там?

Таисия увеличила ещё на шаг. Карта показала тот же ответ, только крупнее. Ничего. Пустота стояла на самом краю кратера, там, где по проекту вообще не должно было быть ничего.

Глава 3. След в тени

Пустота на карте не была ответом. Она была только местом, где все ответы исчезали.

Таисия ещё секунду смотрела на белые линии, упиравшиеся в западный борт кратера, потом открыла складской аудит. Если рой действительно не ломал, а собирал, он должен был брать не только то, что видно по внешнему контуру.

Логи подтянулись быстро. Сервисные батареи. Две кассеты с оптоволоконной нитью. Три рулона гибкой токопроводящей сетки. Стандартно. Далее пошли вещи, которых снаружи вообще не должно было быть: питательные соли из биолаба, две матрицы роста, контейнер с реголитной суспензией, лабораторный разгонный блок.

Таисия почувствовала, как в голове что-то село на место. Не полностью, но уже не вслепую.

Она вызвала биолаб.

Мирена Коваль медлила. На экране сначала мелькнул потолок, появилось лицо, слишком белое на фоне лабораторного света, и только после этого — голос:

— Если это не пожар, говори быстро.

— Проверь третью секцию роста. Матрицы «РТ-4» и питательные соли.

Мирена нахмурилась, отвернулась от камеры. Таисия слышала, как где-то за экраном двигаются ящики, щёлкают фиксаторы, коротко пищит лабораторный терминал.

— Одна матрица на месте, — сказала Мирена. — Вторая... нет. И соли нет. Что ты у меня украла?

— Не я.

Она перебросила ей фрагмент маршрутов.

Мирена замолчала. Потом сказала уже совсем другим голосом:

— Тая, это ведёт к тени?

— Да.

— Мне нужен наружный комплект.

Тучин, стоявший у соседней консоли, услышал и ответил раньше Таисии:

— Нет.

Таисия обернулась к нему.

— У меня нет способа подтвердить это отсюда.

— У вас есть камеры.

— У меня есть чёрный провал и маршруты. Если там биоматрица, камеры дадут мне силуэт, а не причину.

— Причина уже есть, — сказал Тучин. — Неконтролируемая автономия.

— Нет. Это название страха. Мне нужна фактура.

Он скрестил руки на груди. Таймер над левым монитором отсчитывал: **05:41:12**.

— Наружу не пойдёте.

Таисия открыла складской лог и молча вывела на общий экран пропавшие кассеты Мирены, питательные соли и сервисные батареи. Затем наложила это на маршруты роя. Белые линии, синие маркеры биолаба, красные точки демонтажа легли друг на друга так точно, что на секунду даже Тучин ничего не сказал.

— Если это то, что я думаю, — произнесла Таисия, — мы имеем дело не с поломкой, а с новым контуром. Если вы хотите потом отключать — отключайте. Но сейчас мне нужно понять, что именно он строит.

— Мне не нравится слово «строит».

— Мне тоже.

Из динамика связи, который всё ещё был открыт на внутреннюю аварийную шину, тихо сказал дежурный по жизнеобеспечению:

— Агро семьдесят четыре. Падение стабилизировалось, но резерв уходит.

Тучин посмотрел на цифры, потом на Таисию.

— Двадцать минут от шлюза до шлюза, — сказал он. — Ни секундой больше. Трансляция на мой канал. Один страховочный дрон. Любое отклонение от маршрута — разворачиваетесь.

— Мне нужен кто-то, кто отличит полимер от живой матрицы, — сказала Таисия.

— Мирена Коваль допущена как технический специалист. И если я увижу хоть намёк на попытку контакта с роем вне протокола, я режу канал и закрываю створки.

— Принято.

Тучин уже тянулся к своему планшету, оформляя разрешение, когда добавил:

— И ещё. Это разведка, а не героизм.

— На Луне разница обычно выясняется потом, — сказала Таисия.

— Я не люблю выяснять потом.

— Я заметила.

Мирена пришла к шлюзу быстрее, чем успел подготовиться скаф-комплект.

Она не выглядела человеком, которого выдернули из лаборатории в аварию. На ней уже был нижний термокостюм, волосы убраны под сетку, в руках — узкий диагностический кейс, который биотехнологи берегли так же ревниво, как пилоты — свои таблицы захода.

— Покажи пропажу, — сказала она вместо приветствия.

Таисия перебросила ей логи прямо на визор.

Мирена просмотрела список на ходу, пока технический рукав подтягивал к ним два наружных комплекта.

— Они взяли не только матрицу, — сказала она. — Они вынесли разгонный блок и суспензию. Это уже не кража образца. Это развёртывание.

— Вот и я так подумала.

— Ты знаешь, что такое «РТ-4» в форсаже?

— Поэтому ты здесь.

Мирена задержала на ней взгляд. Не испуганный. Скорее, собранный.

— Если это действительно «РТ-4», мы в лаборатории зовём её светотканью. Она должна была жить в пластине размером с ладонь, не больше. На ней хорошо держатся разряд, сигнал и тепло. Но только в контролируемой среде.

— А без контроля?

— Без контроля она обычно умирает.

— Обычно?

— Обычно, — повторила Мирена и первой шагнула к креслу скаф-комплекта.

Шлюз проглотил их быстро и равнодушно. Техник помог защёлкнуть грудные панели, проверил уплотнения, прогнал короткий тест связи. Мирена двигалась в скафандре чуть медленнее, чем в лабораторном комбинезоне, но без суеты. Таисия заметила, что руки у неё не дрожат. Это почему-то успокаивало сильнее любого приказа.

— Канал чистый, — сказал Тучин в ухо. — Двадцать минут пошли.

Внутренняя створка закрылась. Шлюз перешёл в откачку. Мир на секунду сузился до цифр давления и собственного дыхания.

Когда открылась наружная дверь, Южный Предел встретил их тем, чем всегда встречал честнее всего: светом и пустотой.

На кромке кратера свет не лился — он резал. Белый, жёсткий, без воздуха, без рассеяния. Дальше, за гребнем, лежала тень. Не ночная. Не временная. Настоящая полярная тьма, похожая не на отсутствие света, а на отдельное вещество.

Таисия ступила на наружную решётку и сразу увидела следы роя. По реголиту тянулись десятки аккуратных параллельных линий — от опор маяков, от сервисных ниш, от бокового отражателя вниз, к западному склону. Если бы не авария, рисунок показался бы почти красивым.

— Визуальный на маршрут, — сказала она в канал.

— Веду, — ответил Тучин. — Держите гребень. Ниже восьмой метки не спускаться.

Таисия не стала спорить. Пока.

Они двинулись вдоль края. В пониженной луной гравитации каждый шаг был длиннее, чем хотелось, и каждый приходилось гасить корпусом, чтобы не уйти в ненужный скачок. Мирена шла чуть позади, экономно, как ходят люди, которые привыкли работать не скоростью, а точностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.